

Георгий Чернов  
**ИКОТА**

Рассказ

18+

# Георгий Чернов

## Икота

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68301421](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68301421)*

*SelfPub; 2022*

### **Аннотация**

Раненый на поле боя солдат пытается понять, где он очутился – в госпитале или в аду.

# Содержание

I	4
II	9
III	14
IV	18
V	24
VI	29
VII	34

# Георгий Чернов

## Икота

### I

Теплый песок, который еще недавно лежал неподвижно в спокойной и тихой ночи, свернулся теперь в несколько неглубоких воронок. В воронки же эти, освещаемые слабо горящими кусками оторванной одежды и резины шин, засало тела еще совсем молодых парней. И эти тела повсюду здесь: в воронке, около них и вдоль дороги, рядом с тремя сгоревшими почти до основания грузовиками.

Вот один, вцепившийся в свой автомат, пытается в этом застывшем для него времени нырнуть в воронку, чтобы найти там укрытие. Он не движется, а лишь безнадежно смотрит своими стеклянными глазами в пустоту. Одежда, грязная и выцветшая на жарком восточном солнце, порвана и покрыта тут и там кровавыми пятнами, успевшими высохнуть. Руки его, словно сделанные из дерева, покрыты коркой песка, смешавшегося с кровью. Этими руками он вцепился теперь одной в землю, а другой в автомат, как двумя граблями, и застыл.

Все застыло здесь теперь, в этой ночи. Трудно считать, сколько здесь этих тел, и они лежат тут и там – окровавлен-

ные, изуродованные. Кто на спине, кто на животе, лицом в песке. Где-то даже свалены в кучу, а из-под груды тел торчат чьи-то руки и пальцы.

Один из тех, кому повезло остаться недобитым, кажется, даже дышит и подает признаки жизни, бесполезно для себя самого пытаюсь стонать и мычать, чтобы его услышали здесь, в этой мгле. Он крепко держит свой латунный крестик в ладони, прижав к груди, и дрожащими, потрескавшимися, совсем сухими губами издает какие-то звуки:

– ...Сущ... на... бесе... – отрывисто произносит он и вдруг кашляет, отхаркивая скопившуюся в горле кровь, а после продолжает лепетать.

И так, кажется, везде в этом поле можно найти сейчас таких же, едва живых, но еще дышащих, жаждущих быть спасенными людей – дрожащих, в судороге дергающих пальцами на руках, стонущих, зовущих кого-то в бреду.

И сквозь весь этот тяжелый бред и стонущий скрежет слышно вдруг какой-то другой, совсем инородный звук. Он, кажется, не отсюда – не из этого мира мертвецов. Сперва этот звук лишь прорывается, пытается перебить молящихся солдат, но в какой-то момент начинает разрывать эту мутную пленку из голосов и треска огня, и можно отчетливо теперь понять, что это гудение мотора и грохот рессор. И этот звук все нарастает и нарастает, пока за поворотом, из-за холма, покрытого булыжниками и желтой травой, не появляется один грузовик с крытым кузовом, а за ним второй и третий.

Они едут с выключенными фарами, подпрыгивая гигантскими колесами на ямах, и гремят уже открытыми заранее откидными бортами.

Через несколько секунд, когда они наконец равняются с еще тлеющими своими собратьями с разодранными тентами кузовов и вскрытыми, как консервные банки, кабинами, колонна останавливается, а двигатели вдруг умолкают. И в этой наступившей снова тишине из грузовика раздается громкий бас:

– Рота, к машинам!

И только звучит это заветное заклинание, как из трех прибывших грузовиков выпрыгивают один за другим солдаты, еще совсем, кажется, свежие, полные сил и энергии, держа в руках носилки. Они строятся вдоль своих автомобилей, становятся по стойке смирно, как роботы, и ждут следующей команды. Но что-то в этой их свежести есть неживое – оно в этих лицах, такое, что даже мертвецы, усыпавшие это поле, кажутся более живыми.

Из кабины же, грузно хлопнув гигантской дверью, спрыгивает огромного роста человек в афганке и расстегнутом кителе песчаного цвета без опознавательных знаков. В одной руке он держит автомат, ремень которого болтается на весу, а в другой огромную рацию. Безусловно, это он подавал ту команду из кабины, ибо кому еще мог принадлежать этот голос? Какое-то время он осматривается вокруг, словно выискивая что-то на этом усыпанном телами кургане, а после

снова командует своим громогласным басом:

– За работу!

Стоявшие смирно до этого солдаты вдруг бросаются бежать к мертвецам, как муравьи. Они внимательно, но в то же время торопливо осматривают каждого, проверяют их пульс, и, убедившись, что те безвозвратно мертвы, бегут к следующему, а потом к следующему, к следующему. Находя наконец тонкую нить пульса на чьей-то руке, они подхватывают еще живого за руки и ноги, кладут на носилки и бегут обратно к машинам. Все это длится не дольше одной минуты.

– Сколько? – спрашивает вдруг гигант в афганке у подбежавшего к нему парня.

– Трое, – монотонно отвечает ему тот, строго выправившись и вытянув грудь колесом.

– Маловато сегодня, – задумчиво и уже тихо произносит гигант, глядя куда-то в пустоту. – Ладно. К машинам!

И по звуку этой снова уже громкой команды солдаты-муравьи скапливаются в хвостах своих автомобилей, а после команды «по местам» по очереди залетают в их кузова. Последние двое закрывают откидные борта и сбрасывают вниз заброшенный на крышу край тента.

Все это время командир, свесившись на открытой двери, смотрит за процессом, и когда наконец убеждается в том, что все окончено, стучит по крыше кабины и кричит:

– Поехали!

Грузовики вскоре снова теряются за холмом, из-за кото-

рого выехали, и оставляют за собой мертвецов теперь уже в полной тишине – кромешной и бездонной.



## II

Пробуждение для Андрея в этот раз было чем-то средним восстанию из мертвых: его тошнило, голова кружилась, а руки тряслись, словно он был с похмелья. Какие-то мутные мысли, обрывки воспоминаний, осколки в тяжелом, как мокрая вата, мозгу – все это было настолько ему, молодому непьющему парню, несвойственно, что казалось абсолютно нереальным. Сон это или явь?

Когда муть перед глазами его начала проходить, а чувства вернулись, он понял, что лежит на жесткой пружинистой кровати, какая была у них в казарме, еще до войны, и потому в этот момент решил, что он, быть может, вернулся обратно – к себе в роту. Эта мысль, сладостная и рождающая в груди облегчающее чувство оптимизма, нравилась Андрею, и потому он решил не разуверять себя в этом хотя бы какое-то время, но как только муть перед глазами пропала окончательно, а комната вокруг обрела свои настоящие очертания, что-то в той же груди теперь ударило иглой сомнения.

«Это не наша казарма», – пронеслось у него в голове, и он попытался осмотреться, но тут же почувствовал резкую боль в затылке. Больно было так, что он решил уж лучше вообще не двигаться и постараться понять все боковым зрением.

Глаза его, быстрые и тревожные, начали носиться из сто-

роны в сторону, пытаясь определить, где он теперь находился. Белая комната с бетонными стенами, прикроватная тумба и сама кровать, на которой он лежал. Больше ничего не видно, кроме, разве что, потолка с грязными разводами. Даже двери нет. Или, быть может, она там, напротив его макушки, куда он не дотягивается глазами. Не может же быть такого, чтобы в этом помещении не было двери – как-то ведь он сюда попал.

И вот вопрос «как?» был самый сложный. Он решительно не помнил теперь ничего из того, что предшествовало его долгому сну. Какие-то громкие звуки, взрывы, стрельба. Капитан что-то орал натужно, пытаясь перекричать автоматные очереди. И на этом все. Для Андрея это теперь было так же похоже на сон, как и все окружавшее его пространство. Какое-то кино про войну, которое он смотрел еще дома, сидя с отцом перед телевизором.

Полной потери памяти у него, впрочем, не было, ведь он помнил, в конце концов, и своего уже упомянутого отца, и то, что воевал с автоматом в руках. Он не помнил лишь прошлую ночь – последнюю ночь перед долгим своим сном. И откуда он, собственно, знает, что сон был долгий? Нельзя было сказать, сколько времени он так пролежал, а также в каком состоянии все это время был.

Андрей продолжал смотреть в потолок, боясь пошевелиться, тем более что к боли во всем теле затесалось рвотное ощущение в горле. Если его сейчас стошнит, то, вероят-

но, боль усилится еще больше. Переборов себя, однако, он все-таки пошевелил правой рукой и начал тихо ощупывать свое тело. Рука была еще очень вялой, кровь отлила от нее, и потому он скорее даже не ощупывал, а рыбачил ею, словно удочкой, на теле, пытаясь поймать хоть какие-то зацепки о своем состоянии.

Всего, что извлек он с этой рыбалки, оказалось мало, чтобы делать окончательные выводы: раны, а вернее мелкие ссадины, уже затянулись, но не до конца – на них даже чувствовалась корка засохшей крови. Еще он нащупал что-то на животе, но понять однозначно, что именно, он не мог. Это был какой-то небольшой бугорок, инородный, находившийся у него над пупком. Его можно было, в целом, заметить и просто направив глаза вниз, но понять, опять же, было тяжело – он скрывался под его афганкой, порванной в паре мест.

К слову об афганке, он заметил также, что она абсолютно чистая. На ней не было ни крови, ни грязи, которую он копил последнюю неделю без воды и всякой возможности ее постирать. И вообще, он ощущал некоторую свежесть и чистоту в целом, а кожа, которую он гладил неокрепшей рукой, была гладкой, даже не шелушилась, как до этого. Тогда он притронулся к своему подбородку, провел вверх и почувствовал, что недельная щетина его превратилась в колкую пленку отросших лишь за ночь волос. Кто-то побрил его? Или он сам побрился? Этой-то рукой? Именно в этот момент Андрей задумался о том, что мог попасть в военный госпиталь. За это

говорило его состояние, чистота и общая стерильность помещения.

«А раз это госпиталь», – думал он, спокойно закрывая глаза, – «то сюда скоро кто-нибудь придет и объяснит мне все, что требуется».

Но никто не шел. Он пролежал так минут пятнадцать, из тех, что мог лежать совершенно спокойно, но вскоре, спустя этих пятнадцати минут, к нему вернулась тревожность. Сперва легкая, щиплющая края нервов тревога, а потом уже сильнее, сильнее, пока снова ком в горле не вызвал вязкое ощущение тошноты. Подвешенное: когда точно не знаешь, вырвет тебя или нет. Он попытался еще раз подвигать своей рукой, и она уже слушалась лучше, хотя по-прежнему была бледной и вялой – вероятно, он потерял много крови. А если так, то должно же быть какое-то ранение? Он попытался подвигаться и определил теперь, что у него болит правое бедро, притом довольно сильно, так, что Андрею даже стало плохо. «Лучше дождаться врача», – подумал Андрей.

Прошел примерно час. Он знал, что примерно час потому, что спустя те пятнадцать минут он начал считать, отмерять время, которое провел в этом месте. Это помогло отвлечься от плохих мыслей, и тревога прошла. До тех пор, пока он не услышал звук в коридоре, с той стороны, где, как он думал, находится дверь. Судя по всему, это чей-то приглушенный голос произнес что-то вроде:

– Двадцать пятый очухался. Поднимать?

Ему что-то ответили, но настолько далеко и глухо, что слышать было уже совсем невозможно. Затем за стеной началось какое-то суетливое шевеление, ходьба, глухие стуки по железу и бетону. Андрею хотелось крикнуть, но он не решился, борясь с внезапным сердцебиением, отдававшим куда-то в горло.

Вдруг дверь, которая и вправду оказалась над макушкой, но чуть левее от лежавшего неподвижно Андрея, открылась, и, судя по шагам, кто-то в нее вошел.

### III

Вошедший в комнату человек остановился в метре от Андрея. Он стоял где-то за пределом видимости, потому разглядеть его Андрей не смог, однако слышал, как тот дышит. Посетитель постоял так с несколько секунд, а потом все-таки вышел к середине кровати. Андрей попытался что-то сказать, но был слишком слаб, да и ком в горле мешал. Его даже вырвало, но в холостую. Вошедший же на это даже не дернулся – видимо, точно знал, что желудок у того пустой. На нем был белый халат, прямоугольные продолговатые очки, а в руках он держал деревянный планшет с тонкой бумажкой, прикрепленной к нему.

«Врач», – облегченно подумал Андрей, внимательно следя за его движениями.

Врач принялся осматривать больного: потрогал его лоб, посчитал пульс, заглянул в глаза, посветив фонариком, что-то хмыкнул, записал и готов был уже выйти. В этот же момент за дверью раздался голос:

– Ну что?

– Холодная лихорадка, пульс повышенный, – глухо произнес врач через свою марлевую маску.

– Озноб есть?

– Небольшой.

И правда, Андрей даже не заметил, что его знобит. Он

слушал это и иногда даже не понимал: про него говорят вообще или про кого-то другого? Симптомы, которые описывал доктор, он не чувствовал ровно до тех пор, пока тот их не произнес. Теперь же его знобило, а на лбу проявился холодный пот, которого до этого точно не было.

– Ну набрось второе одеяло. И градусник дай, – небрежно бросил второй голос, и оба пропали за хлопнувшей дверью.

Андрей пролежал так еще минут десять, пока доктор действительно не вернулся и не набросил на него второе одеяло, предварительно всучив ему подмышку градусник. Больной послушно принял его, прижав накрепко приходящей в себя рукой. Он уже совсем не боялся, понимая, что точно в каком-нибудь городском госпитале со всеми условиями. А раз так, то и до дома недолго осталось – вот его долечат, и первым же рейсом к родителям. И с наградой на груди. «Дают же там, вроде, награды за ранение?» – думал он, мечтательно рассматривая черный от какой-то гари потолок.

– Может, ему аспирин дать? – спросил вдруг доктор кого-то за дверью, проходившего в это время мимо.

– Что? Какой аспирин? Ты его видел там вообще? Он еще от наркоза не отошел – ты его уже аспирином пичкаешь. Говорю, одеяло второе набрось, и хватит с него.

После этих слов доктор вышел из комнаты, и Андрей снова остался один, с градусником под рукой. Он лежал почти неподвижно, боясь уронить его, потому что в таком случае он провалился бы ему за спину, а значит, пришлось бы дви-

гаться, чтобы его найти. Много двигаться. Андрей не мог себе этого позволить.

Когда доктор в очередной раз вернулся к нему в палату, чтобы снять градусник, Андрей уже смог выдать из себя первые с пробуждения слова, пусть хриплые, отрывистые и слабые:

– Где... я?

– О, уже говорим, – констатировал доктор, вертя в руках термометр на свету. – Тогда через час тебя поднимем.

– Куда?

– Тест пройти.

Видно было, что доктор не особо хочет удостаивать Андрея развернутыми ответами, и потому уставший от произнесенных слов больной просто замолк и опять уставился в потолок. Доктор же, стряхнув градусник, снова вышел за дверь, которую так и не мог разглядеть Андрей из-за боли в голове и шее.

Через час Андрею действительно стало гораздо легче. Он сумел даже приподняться на кровати и осмотреть свою комнату повнимательнее, но ничего нового для себя не увидел. Разве что стало ясно, что та самая дверь была железной, с глазком вовнутрь и с наружными замками. Внутри замков не было. Что-то замерло в этот момент у него в груди, какое-то чувство томительного неведения – угрожающего и тревожного.

Тогда Андрей решил, что может, по крайней мере, осмот-



реть тот нарост, который нащупал после пробуждения своей вялой рукой. Он приподнял афганку вверх и увидел свой худой, ввалившийся вовнутрь живот. Еще выше, над самым пупком, была наклеена какая-то марля с багровыми пятнами, скрывавшая тот самый бугорок. Аккуратно пощупав его рукой, Андрей попытался снять марлю, но почувствовал, что будто сдирает с себя заживо кожу, и тут же остановился. Видимо, там была какая-то рана, а теперь марля присохла к ней, и так просто ее было не снять. Еще пару раз попытавшись приподнять хотя бы краешки этой марли, Андрей бросил это дело и лег обратно на кровать. Голова все еще болела, а в горле было сухо настолько, что казалось, будто там песок.

«Полежать бы еще часик», – думал он, закрывая тяжелые веки.

## IV

Полежать Андрею не дали – через несколько минут в комнату снова вошел врач, но не один, а с солдатом, державшим в руках автомат. Наметанным глазом Андрей заметил, что тот по какой-то причине снят с предохранителя. Также он заметил и то, что форма солдата совершенно не была похожа на форму советской армии. Не было на ней ни погон, ни нашивок. Вообще никаких обозначений. Что-то промелькнуло в голове Андрея, но он тут же отбросил эту мысль, сказав себе, что, возможно, это так одевают охрану в госпитале. Он не хотел об этом думать, не хотел считать себя обреченным, чувствовать себя в опасности тогда, когда она уже, казалось бы, миновала его. Он обманул смерть и хотел в это верить до конца. Чего бы ему это не стоило.

– Пойдем, – сухо произнес доктор, сделав Андрею знак рукой, чтобы тот шел за ним, и вышел, оставив одного охранника.

Андрей медленно встал, и ноги его подкосились от боли в правом бедре, но он чудом удержал равновесие и прошел за доктором. Охранник, как-то подозрительно глядя, направился за ним, замыкая колонну.

Наконец он вышел наружу и может теперь осмотреть, где же он. Этого мгновения он ждал уже давно, думая, что если он увидит, что за этой железной дверью, вся его тревога уй-

дет. Быть может, он увидит улицу? Город? Гражданских, ша-  
стающих по улицам, молодые парочки, стариков? Но ниче-  
го этого не было. Попав за дверь, он оказался в узком кори-  
доре, испещренном водопроводными трубами и устеленном  
желтым и уже стареющим линолеумом. С труб капала вода,  
отдаваясь эхом по длинной кишке коридора. Не было тут ни  
парочек, ни стариков, даже окон не было. Но, несмотря на  
это, было очень ярко – лампы светили сильнее, чем у него  
в палате.

Доктор обернулся на него, на долю секунды остановив-  
шись в проходе, и кивнул, чтобы тот шел за ним, а охран-  
ник, увидев, что пациент замешкался, пихнул его автоматом  
в спину.

– Не отставай, – произнес доктор, снова продолжая путь  
по коридору.

Они прошли метров двадцать, и доктор наконец остано-  
вился у деревянной двери без каких-либо надписей, открыл  
ее и рукой указал Андрею войти. Тот с сомнением зашел  
внутрь, еле волоча ноги.

Теперь он оказался в небольшом кабинете, заставленном  
шкафами с папками. В нем тоже не было окна, и это все боль-  
ше начинало раздражать Андрея. Раздражение же последние  
несколько минут сменялись тревогой и обратно. Посереди-  
не кабинета стоял деревянный стол, на котором помещались  
какие-то бумаги, папки и пишущие принадлежности. За сто-  
лом же сидел мужчина средних лет, гладко выбритый, с со-

вершено спокойным и равнодушным лицом. Он что-то заполнял и даже не обращал внимания на вошедшего.

Андрей какое-то время стоял в нерешительности, даже сесть не мог, хотя силы и покидали его. Мужчина же все продолжал писать, медленно, иногда перелистывая страницы тетради и всматриваясь в содержание. Через две минуты он все же посмотрел на Андрея и сказал:

– Садитесь.

И после этого он снова устался в тетрадь. Андрей присел, сдерживая дрожь в коленях и опираясь на спинку стула. Он боялся даже посмотреть на человека, сидевшего теперь перед ним, и потому просто сидел, рассматривая собственные руки. Трудно сказать, были ли в его голове мысли в этот момент, однако совершенно точно то, что сам он сосредоточиться не мог ни на одной из них, а слышал только биение собственного сердца, колотившего медленно, но сильно.

– Как здоровье? – спросил наконец мужчина, не отрываясь от тетради.

– А? Хорошо, – машинально ответил Андрей.

– Головокружения есть?

– Есть. Небольшое.

– Головная боль?

– Да.

– Хорошо.

«Чего хорошего?» – тут же подумал Андрей, разглядывая трещины в столешнице.

Мужчина же продолжал задавать свои вопросы, на которые Андрею оставалось лишь отвечать «да» или «нет». «Тошнота есть?», «родственники, умершие от хронических заболеваний?», «наблюдаетесь у какого-нибудь врача?» и так далее. Андрей решительно не мог понять, к чему эти вопросы, и чем дальше, тем пространнее они становились.

– Что у меня, доктор? И где я? – решил, в конце концов, спросить он.

– Я не доктор. У вас ничего страшного.

– У меня бедро болит довольно сильно.

– Пройдет, не волнуйтесь.

Не волноваться не получалось. Все это было очень странно, хоть и совсем не отличалось от представлений Андрея о государственных учреждениях. Обыкновенная бюрократическая волокита, наплевательство и равнодушие, с которым он уже не раз сталкивался за свою недолгую жизнь. В сердце все равно сидело что-то, заставлявшее тело покрываться мурашками и мелкой дрожью.

Он еще какое-то время просидел в кабинете, уже молча, поглядывая иногда на заполнявшего какие-то карточки и документы мужчину, и через минуту в кабинет зашел тот доктор, что его сюда привел. Он вопросительно посмотрел на мужчину, и тот утвердительно кивнул ему, не отрываясь от работы, после чего Андрея наконец вывели обратно в коридор.

Неизвестно, почему, но Андрей испытал в этот момент

облегчение. Еще несколько минут в этом кабинете, и он в панике бросился бы к двери. Или упал в обморок. Состояние его было все еще слабое, вялое, хотя на ногах он стоял уже крепче.

Пока его вели, словно конвоируемого, между узких стен, где он кое-как умещался вширь, за одной из дверей с надписью «24», начертанной мелом по металлу, послышался тихий и сдавленный голос:

– Икота, икота, перейди на Федота...

Разобрать это можно было с трудом за наглухо закрытой дверью с точно такими же наружными замками, как и в его палате, но и услышанного отрывка фразы хватило, чтобы Андрея пробрал холодный пот. Голос был уж очень знаком, и Андрей даже остановился у двери, но солдат с равнодушным видом пихнул его в спину. Оба его конвойных не обратили на звуки никакого внимания. Во фразе, впрочем, не было ничего особенного. Мало ли какого суеверного человека пробрала икота? Однако этот голос звучал совсем не так уж обычно – такой безнадежный, жалобный и отчаянный, словно икота не просто пробрала его, а замучила до смерти, до головокружения и дрожи. Андрей еще долго думал об этом, даже оказавшись в своей палате.

Врач усадил Андрея на кровать и подвез к ней передвижной металлический столик с несколькими колбочками и контейнером под шприцы.

– Сейчас укол сделаю, и ложитесь спать. Завтра должно

стать легче, – сказал врач, дезинфицируя иглу.

– А что это? – спросил Андрей дрожащим голосом.

– Вам все равно это ничего не скажет.

Андрей не стал спорить. Все выглядело так, что ему в любом случае вколют это... что бы это ни было, несмотря ни на какие его протесты. Он здесь на птичьих правах. Оставалось безропотно подчиняться.

Врач задрал Андрею рубашку, щипнул кожу под лопаткой, собрав ее между пальцев, и долго что-то вкалывал в мышцу. Было больно, но Андрей старался терпеть изо всех сил, чтобы не показывать своей слабости, стиснув зубы, скрытые под губами. Укол был слишком уж долгий. Начинало казаться, что он уже и не кончится вовсе, и вот в момент, когда Андрей уже хотел было спросить, собирается ли врач вообще вытаскивать эту огромную иглу, он увидел, как тот бросает ее в один контейнер и складывает шприц в другой.

– Все. Ложитесь спать, – сказал врач, и это прозвучало скорее как приказ, а не просьба, и вышел за дверь, укатив за собой столик. Огромные замки и засовы с грохотом застучали за ним, замуравав Андрея, словно в саркофаге. Свет погас.

## V

Не прошло и полминуты, как Андрей, закрыв глаза, забылся тяжелым и глубоким сном. Настолько глубоким, что ничего даже не снилось ему, и когда он проснулся, едва приподняв веки, то не мог понять, спал ли он вообще и сколько времени прошло. Все застилала густая и мутная дымка, голова словно парила над потолком, а тело ощущалось так, будто было погружено в воду.

Чем дольше он лежал, тем более убеждался, что находится не в воздухе, не в воде, а во все той же пустой палате. Но что-то изменилось в ней, и Андрей силился, но решительно не мог понять, что именно. И вообще, на каком уровне восприятия? Слышал он что-то или видел? Быть может, обонял? Или и то, и другое?

Да, действительно, теперь он ощущал какой-то необычный запах – кислый, спертый и затхлый, но не настолько резкий, чтобы сразу броситься в нос. Едва уловимый. Андрею стало не по себе. Он попытался раскрыть глаза шире, но давалось это с трудом. Сквозь крошечную щель между век он не мог увидеть почти ничего, но совершенно точно теперь видел что-то в том месте, в котором до этого был лишь пустой обшарпанный угол. Какая-то фигура, расплывающаяся в сведенных в судороге глазных яблоках, немного сгорбленная, неподвижная.



Сперва Андрей ощущал лишь небольшую тревогу, сдавливавшую горло, но вскоре начал испытывать и панический шок, который обычно случается при сонном параличе: дыхание сперло, сердце сдавило, он пытался выдавить из себя какие-то слова, крик, но лишь беззвучно задыхался и не мог пошевелиться. Пока он лежал так, пытаясь совладать со своим состоянием, фигура в углу, кажется, пошевелилась, даже пошатнулась, но осталась стоять на своем месте. Она совершенно точно двигалась, и Андрей это знал теперь. Он это видел.

Времени проходило все больше, а окружающая действительность становилась четче. Сердцебиение успокаивалось, дыхание восстанавливалось, а чувства приходили в норму. Андрей теперь четко видел перед собой ту фигуру, о которой так долго гадал – это была человеческая фигура. Вернувшийся слух донес теперь до него и лепетание, раздававшееся со стороны этого человека:

– Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого, чур меня, чур, спаси и сохрани, Господь Всемогуший, икота, икота, перейди...

Человек, стоявший в углу, повторял это, как мантру, иногда раскачиваясь всем телом, смотря при этом куда-то вниз, не обращая на Андрея никакого внимания. Казалось, он и не знал даже, что кроме него в палате есть кто-то еще. Это, в целом, было не так удивительно, учитывая, какая тьма царила вокруг. Андрей едва мог продраться сквозь нее, а слабые

судорожные глаза очень долго привыкали к темноте.

Через какое-то время он все же смог рассмотреть и лицо этого человека, и когда узнал его, то что-то дернулось внутри него, заставив на мгновение задержать дыхание. Это был знакомый ему парень, его сослуживец – Пермяк. Страх, который Андрей испытал, увидев его, был связан не с самим Пермяком, но с тем, как он выглядел. Он был совсем не похож на себя: обычно веселый и жизнерадостный, здесь, в этом темном углу он стоял совсем бледный, дрожащий, раскачивающийся взад и вперед на ступнях. Лицо его было сосредоточенным, напряженным, а глаза бегали туда-сюда, как две мухи.

– Пермяк? Пермяк, это ты? – позвал его Андрей, но голос его срывался, а язык почти не двигался. – Что с тобой?

– Что с тобой? – повторил вдруг Пермяк, копируя интонацию Андрея.

– А? – не понял его Андрей, все еще туго соображая. – С тобой все хорошо?

– Хорошо? – повторил опять Пермяк, но в этот раз быстро повернулся в сторону Андрея и уставился на него своими острыми глазами с покрасневшим белком. – Икота, икота... – продолжил снова он свою мантру, но теперь не отрывая взгляда от Андреевых глаз.

Все это было как во сне. Более всего Андрея пугало то, что он не мог пошевелиться. Силился, очень старался, но не мог. Одна лишь голова кое-как могла поворачиваться, но

медленно и слабо.

Пермяк в это время почему-то замолчал, по-прежнему продолжая стоять в углу и покачиваться, рассматривая Андрея. Воцарилась абсолютная тишина, и Андрей даже на мгновение подумал, что оглох. Раздался звон в ушах. Что все это значит? Зачем он повторяет эти слова, раз за разом, хотя даже не икает? Похоже на бред. Быть может, у него лихорадка, а места в госпитале заканчиваются, и потому его подсадили к нему? Но где его кровать? Все эти вопросы проносились молнией в голове Андрея, но ответа на них не было.

Через несколько секунд Пермяк все же сдвинулся с места и направился к Андрею, еле перебирая ногами, волоча их за собой, скребясь по полу. Он все ближе подходил к нему, приближался, и вот слышно было уже его тяжелое дыхание. Тот кислый запах усилился, заполнив собой все пространство. Приблизившись вплотную к кровати, он нагнулся над ним, смотря прямо в глаза, и Андрей почувствовал, что вот-вот уже готов закричать, сорваться, но сил не было совершенно. Сознание покидало его в этот момент, от нахлынувшего гигантской волной страха он мог в любой момент вырубиться. Сердце его стучало бешено, в висках раздавалась канонада, заглушавшая все вокруг, даже звон в ушах.

Пермяк уже был совсем над ним, над его лицом, склонялся, будто хочет что-то сказать, но продолжал молча смотреть на него, дышать и источать мерзкий запах. Холодный пот с его лица изредка капал на Андрея. В конце концов, он на-

чал будто отхаркивать что-то, раскрыв широко рот. Андрей лишь закрыл глаза, не понимая, что происходит и чего ему ждать. Он просто смирился со своим безысходным положением, замер, надеясь, что сейчас он проснется. Он должен проснуться.

Но морок не пропадал. Теперь он чувствовал, как что-то скользкое, липкое, покрытое слизью лезло в его рот, заполняя собой гортань. Его затошнило, голова шла кругом. Горло свело в спазме, и пару раз его вырвало, но вытолкнуть это что-то, заползавшее теперь в него целиком, он не мог.

Когда, по ощущениям, все кончилось, Андрей боязливо раскрыл глаза и увидел, как Пермяк все еще продолжает стоять над ним, но лицо его стало спокойнее. Словно он снял какой-то груз с плеч, свалил тяжкую ношу и может наконец отдохнуть. В подтверждение этого он закрыл глаза и с грохотом упал на пол. Андрей хотел было броситься к нему, но пошевелиться по-прежнему не мог, и вскоре, совершенно обесиленный, он потерял сознание.

## VI

Когда Андрей проснулся, стало уже совсем светло. Был то не солнечный свет, который обычно привык видеть Андрей по пробуждении, а искусственный – кто-то снаружи включил лампочку в его палате. Он протер глаза, раскрыл их безо всякого сопротивления и удивился тому, как легко он себя чувствует. Не было ни головной боли, ни слабости в движениях. Ничего такого, что преследовало его вчера весь день до самого отхода ко сну.

Тут он вдруг что-то вспомнил. Какое-то странное ощущение, что он вчера видел нечто, заставившее его испытать неопишуемый страх. Пермяк, бормотание, что-то склизкое во рту. Он осмотрелся, но не увидел ничего такого, что подтверждало бы увиденное. Быть может, это был бред? Сон? Высокая температура и не такое может вызвать. И да, действительно, он был весь сырой от пота, все постельное белье пропиталось им. Андрею стало неприятно, холодно, и он поспешил вылезти из-под одеяла.

Встав на ноги, он также обнаружил, что стоит совершенно твердо. Ноги его не подкашивались, как вчера, бедро не болело, и в целом состояние было отличное. Может быть, даже лучше, чем до ранения. Что они ему там вкололи? Видимо, очень сильное лекарство.

Он походил немного по палате, рассматривая стены и пол,

пытаясь разобраться, что же вчера произошло, но по-прежнему не видел никаких подтверждений тому, что произошло хоть что-то. Но все это было так естественно. Впрочем, говорят, что в лихорадке сны невероятно реальны, настолько, что даже дух захватывает. Он окончательно успокоился, снял с кровати белье и уложил его около двери, чтобы, когда врач придет, его забрали и выдали ему новое.

С другой стороны, он ощущал себя настолько здоровым, что надеялся теперь на скорую выписку и отправку домой. Он надеялся, что поедет домой, а не обратно, в окопы и грязь, под пули опостылевших духов. Новое ощущение, сковавшее грудь, показало свои зубы: а кончилось ли все для него? Он так хорошо себя чувствует, что ранения словно и не было. Куда его вообще ранили? Ничего нет, зажило, как на собаке.

«Рано поддаваться панике», – решил он, закрывая глаза.

Все было хорошо, все кончилось, по крайней мере, пока, и он может наконец отдохнуть, сбросить с себя все те тревожные ощущения, преследовавшие его до сегодняшнего дня долгие месяцы. Осталось дождаться врачей, а пока их нет, лежать и ни о чем не думать. Разве что, неплохо было бы поесть: он не ел ни вчера, ни сегодня. Впрочем, в его состоянии есть и не хотелось, но теперь чувство голода было очень сильным. Живот даже крутило, он ревел, сворачивался, просил накормить. Может, врачи принесут?

Но никто шел, и довольно долго. Он прождал так около

двух часов, успокаивая желудок, глотая слюну и прислушиваясь к ходьбе за дверью. В конце концов, он не выдержал, встал и начал бить кулаком в дверь, чтобы кто-нибудь наконец пришел к нему. Тишина. В глазке, который вкручен был в обратную сторону, тоже невозможно было что-либо рассмотреть.

Нет, не может быть, чтобы никто не пришел. Разве это возможно? Он же умрет с голоду, он тут сойдет с ума, свихнется от одиночества. Какое-то время он продолжал стучать в дверь, биться в нее, почти уже в панике, но через полчаса успокоился, сел на пол рядом с постельным бельем в позе лотоса и начал рассматривать цветы на простыне, скомканной в безобразное нечто, пропитанное его потом. Как он будет на этом спать? Надо что-то с этим делать.

А имеет ли это все смысл? Может, про него вообще забыли там, снаружи. Или на них напали? Тогда почему он не слышит ничего, кроме шагов за дверью? Ни выстрелов, ни криков. Одни тихие, скребущиеся шаги, шаркающие по линолеуму. Сволочи. Выпустите его теперь, и он задаст вам трепку, оборзевшие врачеватели, любители калечить, сверлить, убивать, грызть зубами, рвать плоть, вырывать зубы с мясом, с кровью, жрать сырую плоть, войдите сюда, сволочи, я вас всех убью, всех сожру, сожру глаза, мясо, кишки, дерьмо, все, что не прибито, прибую.

«Стоп, что?», – потряс головой Андрей и осмотрелся. Он по-прежнему сидел у двери, смотрел на нее пристально, вни-

мательно, но он готов был поклясться, что прошло больше времени, чем он думает. Что-то пропустил он, сидя здесь, будто выключили свет и только что включили.

И правда, странно, но перед ним под дверью стоял опустошенный поднос. Там, по-видимому, была гречневая каша с тушенкой и чай. Съедено подчистую. Его – поднос, – видимо, просунули в эту дверцу снизу.

«Как собаке», – подумал Андрей.

Но кто съел его еду? Неужели он сам? Почему тогда он этого не помнит? Что вообще происходит? Какие-то странные голоса, кажется, за дверью. Кто-то что-то говорит, но разобрать невозможно. Нет, это не за дверью. Это здесь. Они говорят что-то. «Подчиняйся, подчиняйся», – говорят они. Может, это та штука, что заползла в него вчера? Вдруг это был не сон? И чем так воняет?

Андрей обернулся и увидел, что комната была невообразимым образом загажена испражнениями в том самом углу, где он когда-то видел Пермяка. Что это, тоже его? Или кто-то живет здесь, рядом с ним, вместе с ним, съедает всю его еду? Тварь поганая, попадись мне, ублюдок, и я тебя сам сожру, вместе с твоим дерьмом.

«Погоди, тот нарост», – вспомнил вдруг Андрей и тут же бросился под уже совсем засаленную и грязную афганку, поднял ее, сорвал окровавленную и засохшую марлю. Она с болью отошла от тела – болью резкой, сильной, но Андрею было уже все равно.



На теле, где Андрей нащупывал тот самый нарост, он видел теперь что-то странное: прямо в его живот, над пупком, было что-то вшито. Металлическое, твердое. Какой-то прибор квадратной формы, выглядывавший из живота всего на пару миллиметров. Из него же, в свою очередь, торчала стальная трубка полсантиметра диаметром и уходила в плоть там, где предположительно, как понимал Андрей, должна находиться печень. Прибор что-то показывал, но Андрею были не ясны его обозначения. Какие-то крохотные светодиоды – красные, зеленые.

Что это такое? Как они вообще додумались в него это запихать? Голова у Андрея шла кругом, он начал задыхаться, в глазах темнело. Он пару раз дотронулся до прибора, попытался его вытащить, но тот намертво был пришит к нему стальными нитями.

За дверью вдруг снова послышались шаги, и Андрей, в крайней степени безумия, бросился к глазку и принялся высматривать в него хоть что-то, хоть какой-то признак жизни по ту сторону. И с той стороны на него смотрел чей-то глаз. Крик сорвался с Андреевых губ – оглушительный, отчаянный и безнадежный.

## VII

Двое мужчин в белых халатах шли по узкому коридору вдоль водопроводных труб, покрашенных в зеленый цвет. Один из них держал планшет и что-то в нем вычитывал.

– Так, двадцать пять, – задумчиво проговорил он, рассматривая надпись на железной двери. – Вот она. С ним что?

– Притих часа три назад. До этого бормотал что-то, была сильная лихорадка, нарушения пространственного мышления и речи.

– Открывай.

Второй мужчина открыл с грохотом засовы на двери, распахнул ее и вошел первым. Мужчина с планшетом направился за ним.

– Твою мать, никогда не привыкну, – вырвалось у мужчины с планшетом, и он зажал нос от невыносимого запаха.

– Скажи спасибо, что не тебе убирать это все.

Двое мужчин стояли и смотрели на комнату, полную экскрементов, рвоты, кое-где даже крови. Прямо под ногами у них лежала свернутая куча постельного белья, тоже в рвоте и испражнениях. Посреди комнаты стоял Андрей, опустив руки и голову. Он не смотрел на вошедших, и казалось, что не понимает, где находится. Тело его сильно похудело, глаза впали внутрь настолько, что едва виднелись, и даже зубы через один повыпали и теперь валялись то там, то здесь – на

полу, на кровати, на тумбочке.

– Показатели проверь, – сказал мужчина с планшетом.

– Проверь, – повторил за мужчиной Андрей, но никто не обратил на это внимания.

Второй мужчина подошел к Андрею, брезгливо приподнял засаленную, грязную афганку и посмотрел на прибор, расположенный у того на животе.

– Плохо все. Полная несовместимость. Оно его там сожрало, походу, целиком.

– Тогда давай его в двадцать седьмую. Там как раз готовый.

– Как раз готовый, – повторил Андрей.

Они взяли Андрея под руки и вывели в коридор. Тот лишь податливо, как лоботомированный, шел рядом с ними, заплетая ноги, подбирая под себя ступни. Взгляд его был отрешенный, мертвый, совершенно пустой.

Так прошли они до двери с надписью «27». Мужчина без планшета посмотрел в глазок, кивнул и раскрыл дверь, отперев засовы. В палате было темно, пахло сыростью. Обставлена она была точно так же, как и палата Андрея: кровать справа от двери и тумба.

Его завели в центр комнаты, поставили лицом к кровати и поспешно вышли. Засовы на двери затворились, наступила полная тишина. Продержалась она недолго – через несколько минут лежавший все это время на кровати моложавый парень открыл глаза и что-то застонал. Судя по всему, он не

мог пошевелить своим телом, но прекрасно все осознавал и видел. Повернувшись к Андрею, он вытаращил на него глаза и дрожащими губами выдавил из себя:

– Андрей?

Но Андрей молчал. Возможно, это был уже и не Андрей вовсе, а его подобие – восковая кукла, сделанная настолько небрежно, что едва в ней проглядывались не столько Андреевы черты, сколько вообще человеческие.

Лежавший больше ничего не сказал – он был настолько слаб, что не мог даже соображать. Андрей же спустя время словно проснулся, увидел человека на кровати, уставился на него безумными и красными от крови глазами, приоткрыл рот и что-то протянул, а затем, задыхаясь, снова умолк. Слышно было теперь лишь скребущиеся шаги, шарканье по линолеуму, и все ближе. Вот уже и его дыхание, мерзостное, кислое, зловонное, как тухлые овощи.

Подойдя вплотную, Андрей нагнулся над лежавшим, нечленораздельно замычал и начал давить что-то из своего горла, спазмами выталкивать из глотки, кашлять, задыхаться, лишь бы выдавить, отпустить это нечто из себя. Что-то выползло изо рта Андрея, плюхнулось на лицо совсем уже ничего не видевшего и не чувствовавшего парня, а после стало искать, куда залезть.

Облегченное лицо Андрея же отражало небывалое доселе спокойствие. Теперь ему легче. Наконец-то. Расплывшись в улыбке, он выдохнул последний воздух, застоявшийся в лег-

ких, обмяк и упал спиной на пол, разбив затылок.